

Александр Островский

Горячее сердце

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
О-77

О-77 **Островский А.**
Горячее сердце / Александр Островский – М.: Книга по Требованию, 2012. –
66 с.

ISBN 978-5-4241-2318-4

Александр Николаевич Островский и по сей день является самым популярным русским драматургом. Его экранизируют, по его пьесам ставят спектакли.

Кажется, только появившись на свет, пьесы Островского обречены были стать русской классикой: настолько ярки и одновременно обобщенны характеры его героев.

ISBN 978-5-4241-2318-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Александр Николаевич
Островский
Горячее сердце

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Павлин Павлиныч Курослепов, именитый купец.

Матрена Харитоновна, жена его.

Параша, дочь его от первой жены.

Наркис, приказчик Курослепова (по дому).

Гаврило, приказчик (по лавке).

Вася Шустрый, сын недавно разорившегося купца.

Девушка.

Силан, дальний родственник Курослепова, живет в дворниках.

Двор: направо от зрителей крыльцо хозяйского дома, рядом дверь в комнату, где живут приказчики; налево флигелек, перед ним звено забора, перед флигелем кусты, большое дерево, стол и скамья, на заднем плане ворота.

Летний вечер, восьмой час.

Действие происходит лет 30 назад в уездном городе Калинове.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гаврило (*сидит на скамье с гитарой*), **Силан** (*с метлой стоит подле*).

Силан. Слышал ты, пропажа-то у нас?

Гаврило. Слышал.

Силан. Вот она где у меня сидит, пропажа эта. По этому случаю, теперь, братцы мои – господа приказчики, У меня чтоб аккуратно: в девятом часу чтоб дома, и ворота на запор. А уж это, чтоб по ночам через забор лазить, – уж это заведение надо вам бросить; а то сейчас за ворот, да к хозяину.

Гаврило. Чудак ты человек, да коли нужно.

Силан. Мое дело: было б сказано, а там, как знаете! Я теперь необнаковенно зол, вот как зол, беда!

Гаврило бренчит на гитаре. Силан молча смотрит ему на руки. Доходишь?

Гаврило. Дохожу помаленьку. (*Поет и аккомпанирует себе*):

Ни папаши, ни мамыши,

Дома нету никого,

Дома нету никого,

Полезай, милый, в окно.

Силан. Песня важная.

Гаврило. Песня расчудесная, в какой хочешь компании пой; только вот перебор... смотри хорошенько! Видишь? не выходит, да и на поди!

Силан. Я так полагаю, друг любезный, тебе это самое занятие лучше бросить.

Гаврило. Зачем же мне его бросать, дядюшка Силантий? Что я труда положил, ты то подумай!

Силан. Много тебе муки мученицкой за него.

Гаврило. Мука-то ничего, а убытку много, это верно; потому гитара струмент ломкий.

Силан. Ежели ее с маху да об печку, тут ей и конец.

Гаврило. Конец, братец ты мой, конец, плакали денежки.

Силан. Об печку? А? Придумал же хозяин экую штуку; как увидит эту самую гитару и сейчас ее об печку! Чудно!

Гаврило (*со вздохом*). Не все об печку, дядюшка Силантий, две об голову мою расшиб.

Силан. И довольно это, должно быть, смешно; потому гул по всему дому.

Гаврило. Кому смешно, а мне...

Силан. Больно? Само собой, если краем...

Гаврило. Ну, хоть и не краем... Да уж я за этим не гонюсь, голова-то у меня своя, не купленная; а за гитары-то я деньги плачу.

Силам. И то правда. Голова-то поболит, поболит, да и заживет; а гитару-то уж не вылечишь.

Гаврило. А что, не убираться ли мне! Как бы хозяин не увидал.

Силан. Нет! Где! Он спит по обнаковению. Ночь спит, день спит; заспался совсем, уж никакого понятия нету, ни к чему; под носом у себя не видит. Спросонков-то, что наяву с ним было, что во сне видит, все это вместе путает; и разговор станет у него не явственный, только мычит; ну, а потом обойдется, ничего.

Гаврило (*громко поет*):

Ни папаши, ни мамыши,

Дома нету никого,

Курослепов выходит на крыльцо.

Силан. Пстой-ка! Никак вышел! И то! Уходи от греха! Или стой! Притулись тут; он дальше крыльца не пойдет, потому ленив.

Гаврило прячется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Курослепов и Силан.

Курослепов (*садится на крыльцо и несколько времени зевает*). И с чего это небо валилось? Так вот и валится, так вот и валится. Или это мне во сне, что ль? Вот угадай поди, что такое теперь на свете, утро или вечер? И никого, прах их... Матрена! Ни дома, ни на дворе, чтоб им!... Матрена! Вот как оно страшно, когда не знаешь, что на свете... Жутко как-то. И сон это я видел али что? Дров будто много наготовлено и мурины. Для чего, говорю, дрова? Говорят: грешников поджаривать. Неужто ж это я в аде? Да куда ж это все провалились? И какой это на меня страх сегодня! А ведь небо-то никак опять валится? И то валится... Батюшки! А теперь вот искры. И что, ежели вдруг теперь светопреставление! Ничего мудреного нет! Очень это все может случиться, потому... вот смолой откуда-то запахло и пел кто-то диким голосом и звук струнный или трубный, что ли... Не поймешь.

Бьют часы городские.

Раз, два, три, четыре, пять (*считает, не слушая*), шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать.

Часы, пробив восемь, перестают.

Только? Пятнадцать!... Боже мой, боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать. Да еще мало по грехам нашим! Еще то ли будет! Ежели пойти выпить для всякого случая? Да, говорят, в таком разе хуже, а надо чтобы

человек с чистой совестью... (*Кричит.*) Силантий, эй!...

Силан. Не кричи, слышу.

Курослепов. Где ты пропадаешь? Этакое дело начинается...

Силан. Нигде не пропадаю, тут стою, тут, тебя берегу.

Курослепов. Слышал часы?

Силан. Ну, так что ж?

Курослепов. То-то, мол! Живы еще все покудова?

Силан. Кто?

Курослепов. Домочадцы и все православные христиане?

Силан. Ты очувствуйся! Умойся поди!

Курослепов. Источники водные еще не иссяклись?

Силан. Нет. С чего им?

Курослепов. А где же теперь жена?

Силан. В гости ушла.

Курослепов. Вот этакий теперь случай; она должна при муже.

Силан. Ну, уж это ее дело.

Курослепов. Какие гости! Нашла время! Страх этакий.

Силан. Какой?

Курослепов. Всем в услышание пятнадцать-то часов било.

Силан. Ну, пятнадцать, не пятнадцать, а девятый час это точно... ужинать теперь бы самое время, да опять спать.

Курослепов. Ты говоришь, ужинать?

Силан. Да, уж это беспрерывно. Уж ежели что положение, без того нельзя.

Курослепов. Так это, значит, мы вечером?

Силан. Вечером.

Курослепов. И все, как бывает завсегда? Ничего такого?

Силан. Да чему же?

Курослепов. А я было как испугался! Мало ли я тут, сидя, чего передумал. Представилось мне, что последний конец начинается. Да ведь и то сказать, долго ли.

Силан. Что толковать.

Курослепов. В соборе отошли?

Силан. Сейчас только.

Курослепов (*запевает*). Но, яко... Ты ворота запер?

Силан. Запер.

Курослепов. Пойти посмотреть за тобой.

Силан. Пройдись малость, лучше тебе...

Курослепов. Да, «пройдись малость!» Все твое несмотрение. Везде свой глаз нужен. У меня две тысячи рублей пропало. Шутка! Наживи поди!

Силан. А ты спи больше, так и всего обворуют.

Курослепов. Вам разве хозяйского жаль! Еще я с тобой... погоди.

Силан. Ну да, как же! Испугался! С меня взять нечего. Я свое дело делаю, я всю ночь хожу, опять же собаки... Я хоть к присяге. Не токма что вор, муха-то не пролетит, кажется. У тебя где были деньги-то?

Курослепов. Не успел я в сундук-то убрать, под подушкой были, в чулки спрятаны.

Силам. Ну, кому же возможно, сам посуди! В чулки прячешь, – так вот ты

чулки-то и допроси хорошенько!

Курослепов. Рассказывай. А вот взять тебя за волосы, да, как бабы белье полощут...

Силан. Руки коротки!

Курослепов. Опять же вина не наготовишься, целыми бутылками пропадает.

Силан. С того ищи, кто пьет, а меня бог миловал.

Курослепов. Кто бы это украл?

Силам. Диковина!

Курослепов. Уж, кажется, кабы...

Силам. Ну, да уж и я бы...

Курослепов (*нараспев*). Но, яко... Так ужинать ты говоришь?

Силан. Одно дело.

Курослепов. Пойти приказать.

Силан. А что ж ворота?

Курослепов. После. Ты у меня... (*Грозит.*) Слушай! Я, брат, ведь нужды нет, что ты дядя. А у меня, чтоб всё, двери, замки, чтоб все цело! Пуще глазу, как зеницу ока, береги. Мне из-за вас не разориться.

Силан. Ну, да уж и довольно! Сказано, и будет.

Курослепов. Где приказчики?

Силан. А кто их знает.

Курослепов. Ежели которого нет, не отпирай, пусть за воротами ночует; только хозяйку пусти. А ежели посторонних кого к ним, хоть знакомый-разнакомый, ни под каким видом. У меня тоже дочь невеста. (*Уходит в дом.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Силан, Гаврило и потом Вася Шустрый.

Силан (*подходит к Гавриле*). Вылезай, ничего!

Гаврило. Ушел?

Силан. Ушел. Вот теперь поужинает, да опять спать. А отчего это он спит так? Оттого, что капитал! А ты вот тут майся всю ночь. Награбил денег, а я ему их стереги! Две тысячи рублей! Легко сказать! От твоего, говорит, несмотрения! Каково мне на старости лет попреки слушать! Уж, кажется, кабы мне этого вора! Уж я б ему!... То есть, кажется, зубами бы загрыз! Ну, вот покажись теперь, вот так метлой прямо ему... (*Увидав Васю, который показывается на заборе.*) Пстой, пстой! Вот он! Погоди, дай ему с забору-то слезть. (*Бросается на него с метлой.*) Караул!

Вася. Что ты, что ты! Не кричи, я свой!

Силан (*ухватив его за ворот*). И то, никак, свой! О, чтоб тебя! Перепугал. Ты зачем же через забор-то? Кара...

Вася. Не кричи, сделай милость. Я к вам посидеть, больно скучно дома-то.

Силан. Коли ты к вам чеством, на то есть ворота.

Вася. Ворота заперты, а стучать – пожалуй, хозяин услышит.

Силан (*держит его за ворот*). А где ж это показано, чтоб через забор? Ка... ка...

Вася. Сделай такую милость! Ведь ты меня знаешь; разве я в первый раз?

Силан. Знаю я, что ты и прежде через забор лазил, да раз на раз не приходит; прежде взыску не было, а теперь вон две тысячи рублей пропало. Вот оно что

значит вас баловать!

Вася. Ведь не я украл, ты сам знаешь, какое ж мне до этого дело!

Силан (*трясет его за ворот*). Тебе нет дела! – Тебе нет дела! Стало быть, я один за всех отвечаю! Вам никому нет дела. Все я! Вот ты у меня теперь запоешь! Караул!

Гаврило. Да полно ты его мытарить-то.

Силан (*Васе*). Кланяйся в ноги!

Вася кланяется.

Вот так! (*Берет его за ворот.*)

Вася. Зачем же ты меня опять за ворот-то взял?

Силан. Для всякой осторожности. Что, отец здоров?

Вася. Слава богу!

Силан. Знаю ведь я, зачем ты пришел; да нет ее дома, в гости ушла.

Вася. Да пусти.

Силан (*держит его за ворот*). В гости ушла, друг любезный. Вот погоди, придет. Вот придет, так повидайся, что ж!

Вася. Да полно тебе мудрить-то надо мной. Что ты меня за ворот-то держишь?

Силан. А вот что: не свести ли мне тебя к хозяину покудова?

Вася. Силантий Иванович, есть ли на тебе крест?

Силан (*отпускает*). Ну, бог с тобой. Сиди здесь! Только чтоб честно и благородно; а ежели что, сейчас руки назад и к хозяину. Понял?

Вася. Что же мне понимать-то?

Силан. Ну, то-то же. Мне было б сказано. (*Отходит и стучит в доску.*)

Гаврило. Что тебя не видать давно?

Вася. Недосужно было. Ну, Гаврик, какие я чудеса видел, так, кажется, всю жизнь не увидишь!

Гаврило. Где ж это?

Вася. У Хлынова был.

Гаврило. У подрядчика?

Вася. Да. Он уж теперь подряды бросил.

Гаврило. Разве у тебя уж делов теперь нет никаких?

Вася. Какие дела! Все врозь ползет, руки отваливаются. В люди итти не хочется от этакого-то капиталу; я тоже человек балованный...

Гаврило. А ведь поневоле пойдешь, как есть-то нечего будет.

Вася. Ну, там что бог даст, а куда погуляю.

Гаврило. Что же ты, какие диковины видел у Хлынова?

Вася. Чудеса! Он теперь на даче живет, в роще своей. И чего-чего только у него нет! Б саду беседок, фонтанов наделал; песельники свои; каждый праздник полковая музыка играет; лодки разные завел и гребцов в бархатные кафтаны нарядил. Сидит все на балконе без сертука, а медали все навешаны, и с утра пьет шампанское. Круг дому народ толпится, вес на него удивляются. А когда народ в сад велит пустить, поглядеть все диковины, и тогда уж в саду дорожки шампанским поливают. Рай, а не житье!

Гаврило. А ведь из крестьян недавно.

Вася. Ум такой имеет в себе. Уж каких-каких только прихотей своих он не исполняет! Пушку купил. Уж чего еще! Ты только скажи! А? Пушку! Чего еще

желать на свете? Чего теперь у него нет? Все.

Гаврило. Да на что же пушку?

Вася. Как на что, чудак! По его капиталу необходимая это вещь. Как пьет стакан, сейчас стреляют, пьет другой – стреляют, чтобы все знали, какая честь ему передо всеми. Другой умрет, этакой чести не дождется. Хоть бы денек так пожил.

Гаврило. Где уж нам! Ты моли бога, чтобы век работа была, чтобы сытым быть.

Вася. Еще барин с ним. Он его из Москвы привез, за сурьезность к себе взял и везде возит с собой для важности. Барин этот ничего не делает и все больше молчит, только пьет шампанское. И большое ему жалованье положено за вид только за один, что уж очень необыкновенные усы. Вот тоже этому барину житье, умирать не надо.

Гаврило. Эх, брат Вася! Кому ты позавидовал! Нынче он этого барина шампанским поит, а завтра, может быть, надругается да прогонит. Хорошо, как деньжонки есть, а то и ступай пешком в Москву. А ты, хоть с грошом в кармане, да сам себе господин.

Вася. А то у него еще другой аютант есть, здешний мещанин, Алистарх.

Гаврило. Знаю.

Вася. Этот только на выдумки: как что сделать почуднее, выпить повеселее, чтоб не все одно и то же. Машины Хлынову делает, флаки красит, фонтаны в саду проводит, цветные фонари клеит; лебеда ему сделал на лодке на косу, совсем как живой; часы над конюшней на башне поставил с музыкой. Этот не пьет и денег берет немного; зато ему и уважения меньше. «У тебя, говорит, золотые руки, наживай капиталы от меня!» – «Не хочу, говорит Листарх, и твой-то капитал весь несправедливый». – «Как ты, говорит, смеешь грубить, я тебя прогоню». Алистарх ему прямо так: «Гони, говорит, не заплачу, по мою жизнь вас, дураков, хватит». И так будто побранятся. Только Алистарх его ничего не боится, грубит ему и ругает в глаза. А Хлынов его за это даже любит; да и то надо сказать, денег у Хлынова много, а жить скучно, потому ничего он не знает, как ему эти деньги истратить, чтоб весело было. «Коли, говорит, не будет у меня Листарха, стану их так просто горстями бросать». Вот ему Алистарх и нужен, чтоб думать за него. А коли что сам выдумает, все нескладно. Вот недавно придумал летом в санях ездить по полю. Тут недалеко деревня; собрали двенадцать девок и запрягли их в сани. Ну, что за удовольствие! На каждую девку дал по золотому. А то вдруг на него хандра нападет: «Не хочу, говорит, пьянствовать, хочу о своих грехах казниться». Позовет духовенство, посадит всех в гостиной по порядку, кругом, на кресла и начнет потчевать; всем в ноги кланяется; потом петь заставит, а сам сидит один посреди комнаты и горькими слезами плачет.

Гаврило. Что ж ты у него делал?

Вася. Меня Алистарх позвал. Они теперь эту самую игру-лодку всю по-своему переделали. Лодка настоящая и ездят по пруду кругом острова, а на острове закуска и вина приготовлены, а Алистарх хозяином, одет туркой. Три дня кряду эту игру играли, надоела.

Подходит Наркис.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Наркис.

Наркис. Я что ж, я, пожалуй, с вами вместе сяду, нужды нет, что вы мне не компания. *(Садится.)*

Вася *(не обращая на него внимания)*. Как разбойники раза два кругом острова объедут, и все атаман глядит в трубу подзорную, и вдруг закричит не своим голосом, и сейчас причаливают, и грабить, а хозяин кланяется и всех потчует.

Наркис. Какие это такие разбойники проявились и откудова? Мне это чтобы сейчас было известно.

Вася *(не слушая)*. И хозяин говорит по-турецки, итак похоже, вот как быть надо.

Наркис. Есть тоже, которые разговаривать не хотят, но тоже и бьют их за это довольно порядочно.

Вася. А одеты все в бархат, настоящий, венецейский.

Наркис *(вынимает красный фуляровый платок, надушенный, и размахивает им)*. Может, и другой кто одеться-то умеет, так что и купцу в нос бросится.

Гаврило. Поди ты с своими духами!

Наркис *(показывая перстень)*. И супиры тоже можем иметь, что, которые купеческие дети есть, так, может, и не видывали. А про разбойников про ваших все узнается, потому прикрывать их не показано.

Вася. Да, может, ты сам разбойник-то и есть, кто тебя знает!

Наркис. И за такие слева тоже суд с вашим братом* короткий.

Вася. Я когда в Москве был, «Двумужицу» видел, так там с лодки прямо так из ружья и стреляют. Уж на что лучше.

Наркис. Я вот поеду в Москву, я погляжу, я погляжу, так ли ты говоришь.

Вася. Уж этому актеру трепали, трепали в ладоши, – страсть!

Наркис. Ты погоди врать-то, вот я погляжу, еще, может, твоя неустойка выдет.

Вася. А это купец, а не актер, а больше на разбойника похож.

Наркис *(встает)*. Умного у вас разговору, я вижу, нет, слушать мне нечего. А между прочим, надобно сказать, я сам скоро в купцы выду. *(Входит во флигель.)*

Гаврило. А ты послушай, какую я песню наладил.

Вася. Валяй!

Гаврило *(поет с гитарой)*.

Ни папаши, ни мамыши,

Дома нету никого,

Дома нету никого,

Полезай, милый, в окно!

Силан *(издали)*. Тише ты, никак хозяин...

Курослепов выходит на крыльцо.

Гаврило *(не слушая, с большим азартом)*.

Дома нету никого,

Полезай, милый, в окно!

Милый ручку протянул,

Казак плеткой стеганул.

На то сени, на то двери,

На то новы ворота.

Курослепов *(сходит с крыльца)*. Гаврюшка! Вот кто гудит-то. Какое такое

столпотворение ты тут на дворе заводишь!

Гаврило (*Васе*). Батюшки! Бери скорей гитару да полезай в кусты.

Вася берет от него гитару и лезет в кусты.

Курослепов. Кому я говорю! Глух ты, что ли! Иди сейчас сюда на глаза и с бандурой!

Гаврило. Гитары нет у меня, Павлин Павлиныч, провалиться на месте, нет-с, это я так...

Курослепов. Как так? Как так, мошенник!

Гаврило. Я, Павлин Павлиныч, на губах, право, на губах.

Курослепов. Поди сюда, поди сюда, говорят тебе!

Вася убегает с гитарой во флигель.

Силан. Ты, братец, иди, коли велят; уж делать, стало быть, нечего.

Гаврило. Что же такое! Я иду-с!

Силан. Ну, маленько потреплет, уж без того нельзя, на то он хозяин.

Гаврило идет нога за ногу. Курослепов обходит его и хочет к нему подойти.

Гаврило отступает, потом бежит на крыльцо, Курослепов за ним в дом. Стучат в калитку. Силан отпирает. Входят Матрена и Параша. Силан, впустив их, уходит за ворота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Матрена, Параша, потом Гаврило.

Матрена (*идет к крыльцу, из дому выбегает Гаврило, растрепанный, и сталкивается с ней*). Ой! Пострел! Под ребро! Под самое – под сердце! Я ж тебя, погоди! (*Ловит его за руку.*)

Параша смеется.

Ты чему смеешься, чему?

Параша. Захотела смеяться и смеюсь.

Матрена. Эко зелье! Эко зелье! (*Идет к Параше и ведет Гаврилу за собой, тот упирается.*)

Параша. Не подходи лучше, нехорошо тебе будет.

Матрена. Запру тебя, в чулан запру, вот и весь раз говор.

Параша. Нет, не весь, много у нас с тобой разговору будет. (*Уходит.*)

Матрена. Эко зелье зарожденное! (*Гавриле.*) А ты откуда взялся? Уж ты на людей метаться стал! Ишь ты какой всключенный! Трепали тебя, да, должно быть, мало.

Гаврило. Что ж, хорошо, что ль, трепать людей-то! Есть чем хвастаться! Ведь это все отчего людей-то треплют?

Матрена. Отчего? Ну, говори, отчего?

Гаврило. От необразования.

Матрена. От необразования? Тебя, видно, мало? Пойдем, я еще к хозяину сведу.

Гаврило. Да что вы в самом деле! Пустите! (*Вырывается.*) Я уж и так топиться от вас хочу.

Матрена. И чудесно! Вон и Парашка хочет топиться, так уж вы вместе, и нас-то развяжете.

Гаврило. Ну, я-то уж таковский, а за что вы на дочь-то? Никакого ей житья от вас нет. Это даже довольно подло с вашей стороны.